

И. Г. Добродомов

ИЗ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ РАЗЫСКАНИЙ О НОВЫХ СЛОВАХ

сабантуй

Упомянув о своей поездке осенью 1941 года на Юго-Западный фронт под Полтавой, А. Т. Твардовский писал: «Из той поездки мы с С. И. Вашенцевым, между прочим, вывезли словечко “сабантуй”, приобретшее потом большое распространение на фронте»¹.

Действительно, в самом начале весьма популярной поэмы «Василий Тёркин» в главе «На привале» встречается это загадочное слово с весёлым объяснением в балагурстве главного героя:

Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?

– Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?

– Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй,
Вот под первую бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
– Это малый сабантуй.

Отдышись, покушай плотно,

Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.

Тот проймет тебя поглубже,
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.

Сабантуй — тебе наука,
Враг лютует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй. <..>
— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь;
Прут немецких тыща танков... <..>

Популярность народной поэмы А. Т. Твардовского действительно привела к распространению в русском языке слова *сабантуй*, а имя заглавного персонажа стало почти нарицательным. Не случайно писатель Л. Я. Боровой, одним из первых обративший внимание на распространение слова *сабантуй*, картину Ю. М. Непринцева «Отдых после боя» (1951) поименовал «Ва-

силий Тёркин»:

«Рассказывая о картине художника Ю. Непринцева “Василий Теркин”, уже тоже ставшей известной всему народу, Б. Лавренев писал:

– Кажется, сейчас этот поистине ставший народным герой Твардовского скажет:

Вот под первую бомбежкой
Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
– Это малый сабантуй.

(*Советское искусство, 20.XII.1951*)².

Сабантуй фигурирует в произведениях о Великой Отечественной войне в речи персонажей: Немец сейчас не сунется. Сегодня ему хороший сабантуй был (П. Шебунин. Мамаев курган // Новый мир. — 1948. — № 2. — С. 38). Не нравится мне немец сегодня <.> Как бы нам к утру не устроил сабантуй (Г. Бакланов. Пядь земли (1953))³.

Языковеды ставили вопросы о происхождении слова и пытались дать на них ответы, не вполне точные и удачные:

«Важко сказати, де вперше слово тюркського кореня *сабантуй*, що означає хліборобське свято (*сабан* — плуг, *туй* (*той*) — свято), було вжите в армійському середовищі з специфічною семантикою. Елементами, що послужили основою для змін значення, очевидно, є бурхливі дії учасників *сабантуя* — боротьба, шум, звідсі і армійське значення *сабантуя*: шум і грім бою»⁴.

Особое внимание уделил слову *сабантуй* А. Н. Кожин: «В годы войны в публицистике и художественной литературе стало употребляться слово «САБАНТУЙ» как обозначение ожесточенного сражения, поддерживаемого массированными ударами артиллерии, авиации и танков. В тюрко-татарских языках слово «сабантуй» служит названием скачек, праздника весеннего сева («*сабан*» <sic!> — плуг, соха; «*туй*» — свадьба, пиршество и т. п.)⁵. Известно, что празднование весеннего сева у некоторых тюрко-татарских народов сопровождается массовыми военными играми, придающими наибольший разгул народному пиршеству⁶. Представители татарской национальности и те, кто знаком с этим праздником, стихию смертоносного огня могли воспринять как привычное явление мирной жизни: шум и грохот состязающихся групп и сторон во время народных гуляний не вызывал какого-либо представления об опасности; именно поэтому современ-

ное сражение, приводящее в движение огромные массы людей и боевой техники, могло вызвать определенные ассоциации с далеким, но близким и мирным: сабан продолжал свое дело, — перепахивал поле битвы, засевая изрытую землю не зерном, но железом и кровью. Ужасное и страшное в ходе эвфемистической метафоризации воспринималось как что-то безобидное, порождавшее жизнерадостный солдатский смех и юмор»⁷. Далее дается обширная, хотя и сокращенная цитата из “Василия Тёркина” с комментарием: «Звуковая выразительность и неясность внутренней формы, по всей видимости, содействовали распространению этого слова в речи фронтовиков, переживавших ужасы ожесточенных сражений и воспринимавших бомбовые удары авиации, шквальный огонь артиллерии, массированные атаки танков как разновидности сабантуя, что нашло свое выражение в целом ряде словосочетаний, возникших на базе этого иноязычного слова: **малый сабантуй, средний сабантуй, главный сабантуй**»⁸.

Хотя в поэме А. Т. Твардовского содержится глухое упоминание первоначального значения слова *сабантуй* («какой-то праздник»), читатели интересовались непривычным словом и часто задавали вопросы о нём автору поэмы особенно после войны:

«Откуда это слово в “Теркине” и что оно в точности означает? Такой вопрос очень часто ставится мне в письмах и в записках на литературных вечерах и просто изустно, при встречах с различными людьми.

Слово “сабантуй” существует на многих языках и, например, в тюркских языках означает праздник окончания полевых работ: “сабан” — плуг, “туй” — праздник»⁹.

Весенний земледельческий праздник *сабантуй* под русским названием *сабанное* или *сабанное празднество* красочно и в деталях описан уже во второй половине XVIII в. в этнографическом словаре плодовитого писателя М. Д. Чулкова: «*Сабанное, празднество, прозвано отъ хлѣбопашеннаго орудія сабана, потому что оно торжествуется предъ начинаніемъ пашни; торжество сіе, смѣшено съ свѣтскими и духовными обрядами и происходитъ слѣдующимъ образомъ. У Башкирцевъ по вечеру собираются изъ всей деревни молодые ребята на отборныхъ верховыхъ лошадахъ, и проѣхавъ всю деревню изъ конца въ конецъ, изъ околицы возвращаются, и предъ каждымъ домомъ дѣлаютъ великой крикъ и стукъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ дому, такую отборную артель чѣмъ нибудь не наградить; по большей части надѣляютъ ихъ куриными яйцами. Собравъ подворную пошлину, молодежь*

разъѣзжается по своимъ дворамъ, и по утру до самого солнечнаго восходу, вся ихъ артель выѣзжаетъ на поле, и назначивъ не малое разстояніе, пускаются скакать во всю прыть; при въѣздѣ въ деревню стоятъ обою полу зрители, а въ извѣстномъ разстояніи или молодой дѣтина, или дѣвка держитъ на шестѣ привязанной бѣлой платъ, вышитой по угламъ разноцвѣтнымъ шолкомъ, который достается въ награжденіе тому, кто всѣхъ на своей лошади перегонитъ, и первый платокъ сорветъ съ дровка. Хотя платокъ всегда бываетъ малоцѣнный, однако побѣда почитается за велико, и приписываются не малыя похвалы побѣдителю отъ зрителей общимъ восклицаніемъ. Если же случится двоимъ прискакать вмѣстѣ къ назначенному мѣсту, и схватиться за платъ, то должны они совершенное плата присвоеніе заслужить борьбою. Борьба у нихъ бываетъ такимъ образомъ: они не берутъ другъ друга за воротъ, какъ Рускіе борцы, но за кушаки и употребляютъ обыкновенныя при борбахъ ухватки, хотя платъ и недорогой, однако не всякъ охотно пожелаетъ и дешевую вещь подарить другому, то у нихъ узаконено, что бы на сабанномъ рыцарствѣ награжденіе сдѣлано было руками той женщины, которая моложе всѣхъ замужемъ. По окончаніи рыцарства, всѣ деревенскія жители сходятся въ мечеть на молитву, и просятъ бога о урожаѣ хлѣба; послѣ чего общее бываетъ въ деревнѣ пиршество, а у молодыхъ разныя забавы, какъ то борьба, катаніе яйцами, качели и хороводы, а отпраздновавъ принимаются за пашню.»¹⁰

Также подробно описан *сабантуй* в этнографическом очерке оренбургскаго писателя П. М. Кудряшева «Предрассудки и суевѣрія башкирцев» в журнале известнаго литератора П. П. Свинына «Отечественныя записки» (1828):

«Въ число суевѣрій Башкирскихъ можно отнести каждагоодное празднество ихъ, называемое сабаннымъ. Сіе празднество есть не что иное, какъ смѣсь народныхъ обыкновеній и народныхъ обрядовъ. Оно происходитъ слѣдующимъ образомъ: передъ начатіемъ пашни, молодые люди въ вечернее время, садятся верхами на лучшихъ лошадей, объѣзжаютъ всю деревню, потомъ, возвращаясь, останавливаются передъ каждымъ домомъ и громогласно требуютъ себѣ какой-нибудь подачи. Хозяинъ обязанъ удовлетворить сіе требованіе и долженъ подарить разъѣзжающимъ молодцамъ нѣсколько круту¹¹ или подать чашку айрян¹², бузы (родъ пива), аситки (родъ квасу), меду и т.п. Молодые люди, объѣхавъ всю деревню, возвращаются въ свои дома и, на другой день, по утру, выѣзжаютъ въ поле, верстъ за 5 отъ жительства; потомъ

пускаются скакать въ деревню, въ которой по обѣимъ сторонамъ улицы стоятъ зрители: мужчины, женщины и дѣвушки. Одинъ изъ молодыхъ мужчинъ, или одна изъ дѣвушекъ держать въ рукахъ шесть, на которомъ развѣвается бѣлый платокъ, вышитый шелками и разноцвѣтными нитками. Первый, прискакавшій къ шесту и сорвавшій платокъ получаетъ оный себѣ въ собственность. При семъ случаѣ раздаются громогласныя восклицанія зрителей и, въ особенности, повторяются слѣдующія слова: мярдысь! мярдысь! (исполать! исполать!). Но если случится, что двое или трое вмѣстѣ прискачутъ къ шесту и въ одно время всѣ схватятся за платокъ, тогда они обязаны между собою начать борьбу, которая служить решеніемъ, кому упоминаемый платокъ долженъ достаться. Тотъ, кто останется въ борьбѣ побѣдителемъ, получаетъ означенный платокъ изъ рукъ такой женщины, которая въ цѣлой деревнѣ всѣхъ моложе и недавно еще за мужемъ. Послѣ того мужчины идутъ въ мечеть, молятся богу и просятъ объ изобильномъ урожаѣ хлѣба, потомъ начинается общественный джинъ (пирь), на которомъ веселятся различнымъ образомъ: поютъ, играютъ на чебызгахъ¹³, пляшутъ, борются, стрѣляютъ въ цѣль и проч.»¹⁴.

Описанное М. Д. Чулковымъ празднество отличалось въ деталяхъ отъ описаннаго П. М. Кудряшевымъ, поэтому последний даже вступаетъ въ полемику съ первымъ: «Издатель “Абебеки Русскихъ суевѣрій и проч.”, напечатанной въ Москвѣ въ 1786 году, описывая Сабанное празднество, говорить, что развѣзжающихъ по деревнѣ молодыхъ Башкирцевъ хозяева домовъ по большей части надѣляютъ куриными яйцами и что во время пиршества происходятъ у башкирцевъ разныя забавы, какъ то: катаніе яицъ, качели и хороводы. Сего никогда не было и не бываетъ»¹⁵.

Спор П. М. Кудряшева съ М. Д. Чулковымъ возникъ из-за того, что они описывали праздникъ въ разное время и на разныхъ территорияхъ. Праздникъ со временемъ и въ разныхъ ареалахъ изменялся: у татар-мещеряковъ отъ сабантуя остался (если сабантуй ранее у нихъ былъ) только сбор крашенныхъ яицъ детьми, что позже отмечали этнографы XX века: «Въ деревняхъ татар-мишарей сабантуй не проводили, хотя отдельные весенние обряды, входящіе въ него, встречались и тамъ (сборъ детьми крашенныхъ яицъ — *кзыл йомыртка кѣне*, игры съ яйцами и др.)»¹⁶.

Весенний земледельческий праздникъ, посвященный началу полевыхъ работъ или ихъ окончанію, подъ разными названіями известенъ какъ тюркскимъ, такъ и финно-угорскимъ народамъ Поволжья и Предуралья. Здесь въ первую очередь должно быть упомянуто

татарское название праздника *сабантуй*, вошедшее в русский язык и употребляемое в нем в качестве общего наименования регионального весеннего земледельческого праздника, а также аналогичного праздника других регионов.

В татарском языке название этого праздника существует в двух синонимичных формах: как сложное слово *сабантуй*, вошедшее в русский язык, и как определительное словосочетание *сабан туйы* (орфографически *сабан туге*), из которого и получилось сложное слово путем слияния компонентов, а словосочетание было переведено по-русски словосочетанием же *сабанное празднество*.

В «Татарско-русском словаре» 1966 года в качестве основного названия выступает сложное слово *сабантуй*, а словосочетание *сабан туге* подано как отсылочное к нему. В толковом же словаре дано только словосочетание *сабан туге* (произносится *сабан туйы*)¹⁷.

В русском языке XVIII и XIX вв. употреблялся перевод татарского определительного словосочетания *сабан туйы* (*сабан туге*) — *сабанное празднество*, сократившееся до *сабанное* и даже до *сабан*. Получившееся в татарском языке из определительного словосочетания *сабан туге* сложное слово *сабантуй* и в русском языке появилось позже.

Некоторые современные этимологические словари правильно указывают татарский источник слова, хотя хронология его на русской почве требует уточнения: «**сабантуй**. Заимств. в XIX в. из татарск. яз., где *сабантуй* “праздник весенней пахоты” — сращение *сабан* “плуг” и *туй* “праздник”. См. *той*»¹⁸.

Своеобразная фонетика башкирского слова *һабантуй* ‘сабантуй’ (*национальный весенний праздник; букв. “праздник плуга”*) помешала его вхождению в русский язык и поэтому в русском языке и для названия башкирского праздника употребляется татарская форма *сабантуй* (как это имело место в цитируемом «Башкирско-русском словаре» 1958 года), также не сохранившая первоначальный тюркский облик *сабантой*, *сабан тойы*.

В чувашском языке для обозначения этого праздника употребляются как исконные сложные слова типа *ака туй* (произносится *агадуй*: *ака* “плуг” + *туй* “праздник”), так и русско-татарское слово *сабантуй*: **ака туй** 1. *агадуй* (*массовый праздник по случаю завершения весеннего сева*) 2. *диал.* скачки, бега; **ака пӑтти** (*ака яшки*) *уст.* празднество по случаю окончания весеннего сева; **сабантуй**, **сапантуй** 1. *сабантуй* (*татарский национальный праздник*) 2. *диал.* то же, что **ака туй**¹⁹.

Марийский язык знает для обозначения праздника употребление и чувашского и русско-татарского слов: *агавайрём* (уст.) ‘праздник перед весенними полевыми работами’; *сабантуй* ‘сабантуй (национальный праздник)’.

В удмуртском языке в качестве этнографического термина закрепилось одно из чувашских названий: *акашка* (этно.), *акашка* (южн.) ‘удмуртский праздник в начале весеннего сева’.

Аналогичный весенний земледельческий праздник отмечался и у народов Северного Кавказа²⁰, причем тюркские языки этого региона сохранили исторически первичную форму названия этого праздника — *сабантой*, которая в двуязычных словарях передается по-русски татарским *сабантуй*, иногда с пояснениями: карач.-балк. «**сабантой** сабантуй»; ногойск. «**сабантой** сабантуй (праздник по случаю окончания весеннего сева)»; кумык. «**сабантой**, *ист.* сабантуй (праздник весенней пахоты; букв. праздник плуга)».

Любители этнографической экзотики среди писателей, однако, предпочитают сохранять орфографию местного языка: «Доносится песня — это горцы справляют праздник “Сабантой”»²¹.

В XIX веке в качестве русского названия этого поволжского праздника употреблялось слово *сабан*, представленное в этнографической литературе. В специальном разделе “*Сабан*” казанский ученый К. Ф. Фукс подробно описывает этот праздник под таким названием у казанских татар с объяснением этого названия: «Слово сабанъ означает соху или плугъ, а самый праздникъ долженъ означать, что оживляющая природу весна призываетъ къ возделыванію полей и оранію земли»²².

Русское областное название плуга *сабан* В. И. Даль определяет как новороссийское, южное, саратовское, симбирское и пермское и толкует: ‘русскій плугъ, двуколый’ и далее после лаконично-подробного описания деталей *сабана*-плуга, а также указания на другие значения слова *сабан* в русских говорах приводит этнографическое слово Казанской губернии:

«Каз. сабанъ, или сабан-байрамъ, татарскій праздникъ, передъ яровой пашней; первая половина сабана *шилликъ*, молятся и объѣдаются; затѣмъ вторая: запахиваютъ и засѣваютъ полосу, и наконецъ третья, *туй* (пирь): скачки, борьба и пр. мѣстами пируютъ трое сутокъ, и прямо берутся за пашню» (Даль² IV, 126)²³.

Но ни субстантивированное прилагательное *сабанное*, ни словосочетание *сабанное празднество*, ни лаконичное *сабан* как обозначение праздника не закрепились ни в этнографии, ни в ли-

тературе. Как русское название весеннего праздника у народов Поволжья и Предуралья закрепилось слово *сабантуй*, проникшее в газетные репортажи и в художественную литературу:

Красочным зрелищем явилось представление народного праздника «Сабантуй». Сцена Большого театра превратилась как бы в огромную площадь, заполненную праздничной толпой. Соревнуясь в ловкости и силе, выступают борцы, один за другим в круг выходят танцоры (Правда, 7.V. 1955).

Выходит в круг кузнец Кутуй
С Андреем-русским — в паре.
Шумит, клоочет сабантуй,
спортивный день в разгаре.
От малышей до стариков,
сегодня все спортсмены.
У нас в Башкирии таков
обычай неизменный.

(М. Гафуров. *Сабантуй* // *Сов. Башкирия*, 27.VI.1958)²⁴.

Популярность регионального термина *сабантуй* (особенно в его нетерминологическом применении) обусловило появление его в третьем издании 1949 г. весьма солидного «Словаря иностранных слов» и сохранение его там до настоящего времени, хотя дефиниция его и этимологическая справка точностью не отличались, но оказали влияние на последующую русскую лексикографию второй половины XX века: «**сабантуй** [тюрк. “сабан” плуг + “туй” праздник] — национальный праздник у татар и башкир после окончания весенних полевых работ»²⁵.

Некоторая сбивчивость лаконичной этимологической справки (по более поздней гелертерской терминологии — *зоны*) могла породить ошибочное представление о том, что *сабантуй* — плод сложения на почве русского языка, поскольку и первый и второй компонент татарского слова зафиксированы В. И. Далем как местные этнографизмы. Ср. в словаре последнего: «**туй** м. *tamr*. киргизский или башкирский пирь, пирушка» (Даль² IV, 441).

Действительно, во многих тюркских языках широко распространено название примитивного двухколёсного деревянного плуга или сохи *сабан* (с некоторыми вариациями звукового облика в разных тюркских языках), известное также русским областным говорам в том же значении, а также в удмуртском и мансийском языках (ЭСТЯ Л-С, 127–128).

Известное в тюркских языках Поволжья (башкирском, татар-

ском) слово *туй* ‘свадьба, пир, пиршество, праздник, торжество, большое угощение’ получилось в этих языках из более древнего *той* (**toŋ?*), которое сохранилось в таком виде во многих других тюркских языках (Räsänen 488b).

После «Словаря иностранных слов» термин *сабантуй* был замечен составителями академического «Орфографического словаря русского языка» без указания значений:

саба́н, -а
саба́нный
сабанту́й, -я²⁶.

На основе этого материала без учета семантических расхождений между словами А. Н. Тихонов поспешно произвел татарское слово русского языка *сабантуй* от русского устаревшего областного слова

саба́н
саба́н-н-ый
сабан|ту́й²⁷.

Этимологическая принадлежность слова *сабантуй* к этому гнезду уже давно забылась: название примитивного старинного плуга *сабан* у русских уже давно вышло из употребления вместе с самим плугом и никак не ассоциируется ни с этнографическим термином *сабантуй*, ни с его вульгарно-просторечным применением.

А. Т. Твардовский способствовал распространению слова *сабантуй* совсем не в терминологическом значении, хотя оно ему было известно. Он подслушал своеобразное употребление слова в красноармейской среде и популяризировал его, как он вспоминал впоследствии:

«Я слово “сабантуй” впервые услышал на фронте ранней осенью 1941 года, где-то в районе Полтавы, в одной части, державшей там оборону. Слово это, как часто бывает с привязчивыми словечками и выражениями, употреблялось и штабными командирами, и артиллеристами на батарее переднего края, и жителями деревушки, где располагалась часть. Означало оно и ложное намерение противника на каком-нибудь участке, демонстрацию прорыва, и действительную угрозу с его стороны, и нашу готовность устроить ему “угощение”. Последнее ближе всего к первоначальному смыслу, а солдатскому языку вообще свойственно ироническое употребление слов “угощение”, “закуска” и т.п. В эпиграфе к одной из глав “Капитанской дочки” А. С. Пушкин приводит строки старинной солдатской песни:

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку,
Зарядим картечью пушку.

Слово “сабантуй” мы с моим товарищем по работе в газете С. Вашенцевым привезли из этой поездки на фронт, и я употребил его в фельетоне,²⁸ а С. Вашенцев — в очерке, который так и назывался: “Сабантуй”²⁹.

Сведения поэта А. Т. Твардовского лучше отражают суть дела сравнительно с соображениями лингвистов И. К. Белодеда и А. Н. Кожина, процитированными в данной статье выше.

Свидетельство А. Т. Твардовского о своем причастии к распространению в русском просторечном языке слова *сабантуй* в его солдатском употреблении следует воспринимать с полным доверием, поскольку в другом аналогичном случае — со «Страной Муравией» — он считал, что название утопической *Муравии* он не придумал, а взял из фольклора, с чем не соглашаются лингвисты, считающие: «Все же *Страна Муравия* — несомненно неологизм самого поэта <..>»³⁰.

В начале 60-х гг. слово *сабантуй* как в терминологическом значении (по перефразированию неточной дефиниции «Словаря иностранных слов» 1949 г. издания), так и в переносном значении в поэме «Василий Теркин» в сопровождении сбивчивой этимологии (из того же «Словаря иностранных слов») было зафиксировано большим академическим словарем, который выходил тогда под более правильным и точным названием «Словарь современного русского литературного языка» и грифом Академии наук СССР: «**сабанту́й**, я, м. У татар и башкир — народный весенний праздник, посвященный окончанию весенних полевых работ. *Приближались дни сабантуя, веселого весеннего праздника “свадьбы плуга”, когда происходят игры молодежи и взрослых, состязания в скачках, игра, джигитовка, стрельба из лука. Злобин, Салават Юлаев, I, 1. || Перен. Разг. Об ожесточенном бое, сильном шуме, переполохе. Вот вы прибыли на место, Ружья в руки — и вой. А кому из вас известно, Что такое сабантуй?* Твард. Вас. Теркин. — Слов. иностр. слов 1949: сабанту́й. — [От тюрк. *saban* — плуг и *tuj* — праздник] (ССРЛЯ 13, 26–27).

В словаре не отражено бытовавшее на фронте употребление

слова *сабантуй*, о котором вспоминал участник Великой отечественной войны А. Н. Кожин, писавший, что «дружеская встреча фронтовиков (по поводу возвращения в строй из госпиталя, награждения орденом или кратковременным отпуском за образцовое выполнение задания и т.п.) нередко называлась *сабантуйчиком* или *сабантуй-ура*»³¹

О былом военном употреблении слова *сабантуй* в настоящее время помнит лишь «Словарь русского военного жаргона» В. П. Коровушкина, который на первое место ставит военное значение: «**сабантуй**, -я, м. 1. устар. Любые воен. действия (атака, бой, операция; отражение атаки; бомбежка, мин. и арт. обстрелы; танковая атака противника)», которое было актуально в сухопутных войсках в годы Великой Отечественной войны. От него произошёл современный общий сленгизм: «2. разг. шутол. Шумное веселье; попойка; выпивон». Что касается этнографического значения, то оно фигурирует в этимологической части: «(< тат. сабан-туй — завершающая часть праздника «сабан-байрама», когда пируют, веселятся, состязаются в нац. играх после яровой пахоты; < тат., тур. *saban* «плуг»))»³².

Но в условиях мирного времени экспрессивное военное употребление названия народного праздника *сабантуй* оказалось неактуальным и, выходя из употребления, породило целый ряд новых значений, часть которых оказалась эфемерными, и в языковом узусе они не закрепились. Таковым оказалось его экспрессивное применение к авральной, штурмовой работе на производстве, отмеченное в конце 50-х гг. писателем Л. Я. Боровым: «— “Сабантуй” — слово залётное, — писала недавно³³ “Литературная газета”. — Каким ветром его занесло в Донбасс, установить трудно. Известно одно: так у некоторых народов называется весенний праздник. У горняков это слово приобрело другое значение: сабантуй — день высокой добычи угля, достигнутой в результате штурмовщины. В Донбассе говорили: сабантуй начинается там, где кончается порядок.

Вероятно, это слово и в Донбассе, когда оно сюда впервые залетело, сохраняло свое праздничное, веселое значение. Привлекло самое звучание — необычное, но энергичное, резкое.

Затем, в применении слово испортилось. Уже все знали, как иногда нечисто оно применяется, как достигаются “сабантуи”. И само слово стало звучать несерьезно: — Я тебе такой сабантуй устрою...»³⁴.

Такова же оказалась и судьба более позднего бытового приме-

нения этого слова в русском языке Башкирии, не вышедшего за пределы областной речи, где оно получило значение ‘беспорядок в доме, погром’: «Господи, прям сабантуй какой-то в доме, что тут произошло?»³⁵.

Более удачна была судьба ещё одного экспрессивного значения, отмеченного у слова *сабантуй* в конце 50-х гг. языковедом О. Н. Трубачевым и писателем Л. Я. Боровым.

О. Н. Трубачев, переведивший в 1959–1961 гг. «Russisches etymologisches Wörterbuch» М. Фасмера, включил в квадратных скобках интересующее нас слово с этимологией в русский перевод: «[сабантуй, вульг., просторечн., “веселая пирушка, гульба, развлечение”. Происходит из тат. *сабан-туй*, собственно “пир в конце праздника весенней пахоты”; ср. *сабан*, рус., диал., “двухколесный плуг”. — Т.]» (Фасмер III, 541)³⁶.

Л. Я. Боровой сослался на такое новое употребление: «Недавно С. Орлов рассказал, как он со своим другом, украинским поэтом Платоном Воронько, путешествовал вокруг Европы. В Болгарии Воронько встретил своего фронтового друга, и все вместе решили устроить сабантуй — встречу друзей»³⁷.

В весьма популярном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова *сабантуй* не было зафиксировано до 9-го издания, где оно появилось в 1972 г.: «сабантуй, я, м. (разг. шутол.). Шумное веселье, попойка. По поводу встречи устроили маленький с.» (с. 637). Исходное этнографическое значение было позже зафиксировано как первое этим же словарем в сбивчивой дефиниции:

«сабантуй, я, м. 1. Традиционный татарский и башкирский весенний праздник.

2. Шумное веселье (разг. шутол.)»³⁸ Сейчас праздник *сабантуй* в связи с переносом его на окончание весенних полевых работ фактически падает на начало лета, а реальным весенним традиционным праздником остается день Нового года по солнечному календарю, приходящийся на день весеннего равноденствия 21 марта, — *науруз*, *наурыз*, причем это слово в русских словарях пока отсутствует, хотя в текстах употребляется также применительно к Средней Азии. Как уже было показано, *сабантуй* — не только татарский и башкирский праздник.

Что касается *разговорно-шутовой* коннотации второго значения слова, то она возникает у него при сознательной неуместности его употребления в нейтральной по стилистической окрашенности речи.

Представляется не вполне оправданным устранение из дефи-

ниции важного семантического компонента ‘застолье, пирушка’.

Активное употребление слова в переносном значении попало в 7-е издание «Словаря иностранных слов» с историческим уточнением об изменчивости времени проведения праздника: «**сабантуй** [тюрк. “сабан” плуг + “туй” праздник] — народный праздник у татар и башкир, справлявшийся прежде перед началом сева, а теперь в честь окончания весенних полевых работ; *шумная пирушка, попойка»³⁹.

Приходится только жалеть, что в дальнейших переизданиях этого словаря сведения об исторических изменениях сроков праздника были устранены: «**сабантуй** [тюрк. “сабан” плуг + “туй” праздник] — народный праздник в честь окончания весенних полевых работ у татар и башкир; *шумное веселье, застолье»⁴⁰.

Исчезнувшие сведения хорошо объясняли противоречия в описаниях праздника у этнографов и лексикографов.

С некоторым запозданием *сабантуй* в терминологическом этнографическом значении и с разговорным оттенком (как в большом академическом словаре) для обозначения пирушек дается лишь во втором издании малого академического словаря, а военное экспрессивное употребление слова, пущенное в оборот А. Т. Твардовским, оказалось забытым, хотя именно оно как обозначение фигурального солдатского угощения сыграло решающую роль в вульгарно-просторечном развитии значения ‘пирушка’: «**сабантуй**, -я, м. Народный весенний праздник у татар и башкир, посвященный окончанию весенних полевых работ. || Разг. Веселая пирушка, праздник. — У Юрлова по случаю шестидесятилетия и получения звания был сабантуй. Пятьсот рублей ухнул. Лазутин, Родник пробивает камни. [от тат. сабан — плуг и туй — праздник]»⁴¹.

Впоследствии эти два оттенка, фактически между собой почти не связанные в семантическом отношении, превратились в самостоятельные значения, хотя, вероятно, точнее было бы считать их словами-омонимами, особенно при учёте того, что промежуточное значение, зафиксированное А. Т. Твардовским и литературой о Великой Отечественной войне, оказалось после большого академического «Словаря современного русского литературного языка» утерянным в академической лексикографии и её отражениях в авторских словарях: «**сабантуй**, -я; м. [от тат. сабан — плуг и туй — праздник]. 1. Народный весенний праздник у татар и башкир, посвященный окончанию весенних полевых работ.

2. Шумное веселье; пирушка, вечеринка. *Устроить с<абантуй> по случаю получения премии. В честь дня рождения организован с<абантуй>. <Сабантуйчик, -а; м. Уменьш.-ласк.>*⁴².

В загадочном «Новом словаре» Т. Ф. Ефремовой: «**сабантуй** м.

1. Народный весенний праздник по завершении весенних полевых работ (у татар, башкир и других тюркских народов). 2. *перен. разг.* Шумное застолье, пирушка»⁴³.

«**Сабантуй**. Так мы называем веселое застолье, пирушку, а в татарском языке, откуда позаимствовано это слово, *сабантуй* означает “праздник после окончания пахоты”»⁴⁴.

Вопреки категоричным высказываниям Н. Ю. Шведовой о нецелесообразности включения в краткие нормативные словари этимологических соображений, в последнее издание словаря С. И. Ожегова они включены в качестве загадочных «этимологических зон», которые мало что добавляют к толкованию, что особенно ярко проявилось в статье *сабантуй*, где происхождение слова достаточно четко обозначено первым значением и лишь дублируется неточной «зоной»⁴⁵:

«**сабантуй**, -я, м. 1. Традиционный татарский и башкирский весенний праздник. 2. *перен.* Шумное веселье (*разг. шутол.*). | ● Из тюрк.: ср. *сабан-туй* ‘пир в конце праздника весенней пахоты’ < *сабан* ‘плуг’ + *туй* ‘пир, праздник’»⁴⁶.

Попало это слово и в «Советский энциклопедический словарь» прямо из «Словаря иностранных слов» 1949 г.: «**сабантуй** (от тюрк. *сабан* — плуг и *туй* — праздник), праздник у татар и башкир после окончания весенних полевых работ»⁴⁷.

Слово почему-то не включено в «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика⁴⁸.

Слово *сабантуй* не попало в академический «Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов», именуемый «Новые слова и значения», хотя он посвящен словам, значениям и выражениям, которые появились или стали «активно употребляться в периодической печати и художественной литературе в 50–60 годы XX в. или несколько раньше», как сказано в вводной статье «От издательства»⁴⁹.

Сводно-академический «Словарь русских народных говоров» отмечает слово *сабантуй* (1. Праздник, гулянье; 2. Вечеринка, пирушка) как преимущественно южносибирское слово с пометами *краснояр., кемер., новосиб., том., киров.* (СРНГ 36, 11). Но сведения этого словаря для истории слова *сабантуй* оказываются малополезными из-за отсутствия при них даты записи, причем

указание на употребление слова в Кировской области вызывает сомнение в достоверности.

Сабантуй как этнографический термин и в переносных употреблениях отмечен в украинских и белорусских словарях:

«**сабанту́й**, -я, ч. У башкирів і татар — народне свято з нагоди закінчення весняних польових робіт; || *перен., розм.* Жорстокий бій; артилерійська підготовка. — *Командир дивізіону усвідомив, яку задачу має виконати сьогодні наш артдивізіон? — Так, все зрозуміло, генеральний сабантуй, товаришу полковник.* (Ле і Лев. Півд. Захід, 1950, 410)» (Словн. укр. мови IX, 7).

«**сабанту́й**, -я, м. У татараў і башкіраў — народнае свята, звязанае з заканчэннем вясенніх палявых работ. || *перан. Разм.* Шумлівая пагулянка; калатня; бітва. *Во толькі звозіць яшчэ раз кампанію і учыніць суседзям невелічкі сабантуй, па-свойму, па-шафёрску.* Б. Стральцоў»⁵⁰.

Из русского просторечия слово *сабантуй* в терминологическом значении проникло в олёкминский говор якутского (сахского?) языка как обновление названия якутского (сашского?) традиционного весеннего праздника кумыса *ысыах*⁵¹ в начале лета с демонстрацией хозяйственных и культурных достижений сельских тружеников как выражение советской яви Якутии (Сахи). Здесь оно приобрело облик *samadu*⁵².

Упомянутое у П. М. Кудряшева название общественного пира *джиннь* как часть сабантуя младший его современник В. И. Даль включил в свой словарь и дал ему довольно подробное толкование как название самостоятельного праздника, отмечаемого в совсем другое время:

«**джиннь** м. каз. татарскій праздникъ передъ паровою пашней; это одинъ день въ году, когда женщины на гуляньѣ выказываютъ лицо; тутъ высматриваютъ невѣсть» (Даль² I, 434). Ср.: «*Паровая пашня, осенняя, т. е. подъ озимь*» (Даль² III, 20).

В «Татарско-русском словаре» (М., 1966, 771) слово *жыен* [=джыйын] подается как многозначное:

- 1) *уст*<арелое> мир, сход, сходка;
- 2) молодежное гулянье (летом на лоне природы);
- 3) *диал.* сабантуй.⁵³

шиллик

Слово *шиллик*, которое употреблено В. И. Далем при объяснении слова *сабантуй*, в корпусе Словаря В. И. Даля отсутствует, но его младший современник тюрколог В. В. Радлов (1837–1918) в

своём «Опыте словаря тюркских наречий» (т. IV, СПб., 1911, стб. 1041) фиксирует казанско-татарское:

«шы́лык [شېلىق (Каз.)] жертвоприношение во время весны — Opferbringung im Frühlinge; шы́лыкка дөрөйбиз мы совершаем жертвоприношение — wir führen das Frühlingsopfer aus.»

Современные татарские нормативные словари этого слова из говора кряшен не знают, но в работах современного же не очень строгого татарского языковеда Р. Г. Ахметьянова татар. *шы́лык*, включенное в лексику свадебных и семейных обрядов, определяется то как ‘торжественный выезд, заключающий свадьбу; весеннее сборище на поле’, то как ‘торжественный пир на открытом воздухе’⁵⁴ с привлечением сомнительного материала и с фантастическим сближением с неточно поданными материалами других народов.

Кряшено-татарское наименование весеннего жертвоприношения *шы́лык* обнаруживает близость по звучанию с чувашским названием свадебного обряда угощения гостей у невесты *шыльӑк*, которое фиксируется в чувашско-русских словарях XIX века в неустойчивой орфографии: «Шыликъ столъ, за который сажаются поѣзжане, приѣхавшіе за невьстою». В словаре Н. И. Золотницкого дефиниция сокращена: «Шы́лык столъ для поѣзжанъ», зато в разделе «Пропуски» в конце книги сделано едва ли правильное дополнение: «(джаг. *шайан* столъ для кушанья; монг. *шире* столъ, скамейка, став. передъ почетными лицами для чашки чаю или кушанья)», как бы переводящее метонимически название обряда в название мебели, правда связанной с обрядом⁵⁵.

Уже давно была замечена какая-то этимологическая связь между марийским (луг.) *шэлык* (устар.) ‘престол, божница; (горн.) *шійлык* ‘свадебная обстановка (устанавливаемая обычно во дворе для свадебного пира)’ и чувашским *шыльӑк* ‘шылик’ (устроенное в середине двора застолье для совершения свадебного обряда), как они поданы в современных словарях, а также татарско-кряшенским *шы́лык* ‘жертвоприношение во время весны’, почему-то отсутствующим в современных татарских словарях.

М. Рясänen казанско-татарск. *şyjlyk* ‘весеннее жертвоприношение’ и чувашск. *şyl'ik* ‘стол для поезжан’ выводил из марийского *şelak* (устар.) ‘престол, божница’, *selek*, (Ramstedt) *şilak*⁵⁶, а также далее марийские формы — из рус. *сенник* ‘сеновал; чулан как брачный покой’, *сенница* ‘шатер, палатка; праздник *сенниц* праздник куш (у евреев)’ < *сени* (Räsänen 445), что выглядит семантически неправдоподобно.

Известный чувашский филолог В. Г. Егоров, не упоминая ни кряшенское *шыйлык*, ни марийские слова и неудачно пытаясь найти родственные слова внутри тюркских языков, неловко сослался на не имеющее сюда никакого отношения башкирское название скамьи *ширлек*, к чему его толкали слишком «предметная» трактовка уже устаревших слов в словарях и отодвигание на задний план процессуальных деталей значения:

«**шыльак**, **шилэк**, диал. **шырлак** уст. ‘свадебный стол посреди двора в доме невесты для угощения поезжан, приехавших с женихом’, башк. *ширлек* ‘скамья’; ст.-тур. *шылян* ‘царский пир’. В. А. Гордлевский пишет: “Когда огузы собирались в поход, султан устраивал для них традиционный пир — родовое военное торжество *шылян*, на котором резались бараны” (Государство сельджукидов Малой Азии, 1941, стр. 52)» (Егоров 340–341).

Здесь не имеет никакого отношения лишь отдаленно созвучное персидское слово: «**شیلان** (е) королевский столъ или угощеніе; обѣденный столъ»⁵⁷, которое В. А. Гордлевский даёт в колеблющейся транскрипции (*шылян* и *шѣлен*), ошибочно считая его старым огузским⁵⁸, а Р. Г. Ахметьянов приписывает этому иранизму *šilan* фантазмагорическое значение ‘торжественное сидение предводителей племен после победы’⁵⁹.

Следовательно, и у В. Г. Егорова чувашское слово фактически не получило этимологического объяснения. В связи с этим лишено какого бы то ни было смысла дальнейшее привлечение сюда следующего материала: «В некоторых диалектах азербайджанского языка встречается форма *шүлән* — церемониальный процесс угощения. Совр. тур. *şölen* ‘пир’, уйгур. *шилвэ* ‘каша’, *шойла* ‘рисовая каша с луком и морковью’»⁶⁰.

Чувашский этнограф П. В. Денисов считал, что чуваш. *шыльак* ‘обряд принятия мужского свадебного поезда в доме невесты; специальная постройка амфитеатром’ происходит от древнего булгарского названия барашка *шилек, связанного с общетюркским *шишек* (татар., башкир. *шишэк*) ‘молодая овца; овца на втором году (когда она первый раз меняет зубы)’⁶¹.

Этимологические соображения П. В. Денисова некритически приняты в книге Ф. С. Баязитовой о диалекте татар-кряшен без аргументации⁶², хотя созвучие не подкреплено семантически: неясна связь названий барашка и части свадебного обряда.

Лишены какого-либо основания сопоставления кряшенского *шыйлык* ‘весеннее жертвоприношение’ с монгольскими и тюркскими названиями войлоков и текиметов типа сомнительного

шыр или монг. *ширдэг* 'стеганный тюфяк', на чем настаивает при неаккуратном приведении материала Р. Г. Ахметьянов, который также слишком смело привлекает⁶³ сюда параллельно, не отдавая предпочтения ни одному сопоставлению, казах. *шүлән* 'человек, дающий пир для всех; мот; всеобщий пир на поле'⁶⁴, хотя толковый словарь казахского языка дает несколько другое значение: «*шүлен зат. Қолындағы барын елге таратын беретін мырза, жомарт кісі*»⁶⁵, то есть 'щедрый человек, раздающий свое имущество народу'.

Сопоставление это наталкивается на фонетическую трудность, поскольку казахская фонема *ш-* восходит к более древнему *ч-*, а татарскому *ш-* в казахском языке регулярно соответствует *с-*. Скорее всего казахское *шүлен* (и сомнительное *шүлән*) представляет собой искажение узбекского иранизма: «*шулон рел. даровое кушанье, даровая пища (раздаваемая в мечети беднякам)*»⁶⁶ — или киргизского: «*шилен 1. вид угощения в складчину <..> 2. ист<ор>. угощение (кумыс и мясо), которое в обязательном порядке давалось баями на джайло <..> 3. перен. вклад в общее дело <..> = шилзэн*»; «*шилеми южн. (ср. шилзэн) пища, угощение*»⁶⁷, — которые, вероятно, связаны с персидским словом. Его как старое огузское популяризировал В. А. Гордлевский, на самом деле это иранизм, зафиксированный и выделенный литерой *п* <ерсидское слово> в «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» Л. З. Будагова (т. I, 681): «п. *شیلان* столъ, поднось, скатерть съ кушаньемъ; кушанье», которое в современном персидском языке считается устарелым.

Фонетически и семантически ущербно сопоставление чувашского название свадебного обряда *шьльӑк* с названиями полки *çӱлӗк*, *çӱлӗх* в чувашском же языке и *шӱрлек* в татарском и башкирском, а также с башкирским *ширлек* 'скамья', выдвинутое М. Р. Федотовым⁶⁸.

Обзор этимологических соображений о рассматриваемых средневожских словах, относящихся к обрядовой лексике, показывает, что существующие случайные этимологии неудовлетворительны.

Чувашские *шьльӑк*, *шьлӗк* и марийские *шелык*, *шылык* выглядят как производные слова и этимологическому анализу не поддаются, хотя их общее происхождение не вызывает сомнения, как и связь с кряшенским *шыйлык*, где четко выделяется *-лык* при загадочном корне *шый-*. Вероятно, такова же была когда-то и структура чувашского *шьльӑк*, затемнённая фонетическими

процессами на чувашской почве.

Корень *шый-* за пределами поволжских языков (кряш.-татар. и чуваш.) ни в самостоятельном виде, ни в составе производных на тюркской почве нигде не представлен, но обнаруживается фонетически и семантически близкий, весьма активный (в том числе и в словообразовательном плане) и довольно широко распространённый корень *сий*, употребительный и самостоятельно. Краткий обзор распространения этого слова в тюркских языках в связи с судьбой сочетания *-ый-* (*-uj-*) на тюркской почве сделал М. Ряснен:

«балк., карач., кумык. *suĵ* “честь, любовь”, кирг. “подарок, почитание, уважение”; тат. *sâj* (> чув. *sâj* “пир, угощение”), кумык., казах., тат., алт., тел., лебед., шор., саг., кайб., кач. *si:*, ~ монг. *suĵ*, *süj* “выкуп за невесту, калым”»⁶⁹

Эта лапидарная запись судьбы сочетания гласного *ы* (=лат. *y*) с согласным *ĵ* в тюркских языках содержит важное указание на то, что чувашское *sâj* (орфогр. *сăй*) является заимствованием из татарского *sâj* (орфогр. *сы*); но это было замечено лишь Л. С. Левитской: «Чув. *сăй*, *сий* (→ мар. *сий*), судя по их фонетической структуре (сохранению начального *с* перед *ă* < *ы*), — татарское заимствование, на что уже обратил внимание М. Рэсэнэн <..>» (ЭСТЯ Л-С, 395).

В соответствии с этими соображениями М. Ряснена и Л. С. Левитской, чувашский язык должен был иметь это слово в форме *шăй* (< *шый*), но оно было вытеснено татарским *сий* (> чув. *сăй*, *си*, *сий* ‘угощение’), однако древний булгаро-чувашский облик этого корня сохранился в составе производного *шыйлык > чуваш. *шылăк*, но в специфическом значении. В свою очередь чувашско-булгарское слово *шыйлык было заимствовано кряшенами как наименование весеннего жертвоприношения *шыйлык*.

Чувашское *шылăк* носит вторичный характер сравнительно с кряшенским *шыйлык*, поскольку в чувашском слове согласный *ĵ* слился с согласным *л*, смягчив его и продлив предшествующий гласный *ă* в *ы*⁷⁰: к кряшенам чувашское слово проникло ещё до преобразования сочетания *йл* в *л^бл^б* (далее в *л^б*) на чувашской почве, сохранив древнечувашскую форму в кряшенском языке.

Чувашская форма *шилăк* с переднерядным вокализмом возникла в результате воздействия на него палатализованного согласного *-ль-* (*l'*), который перевел огласовку в передний ряд.

В русской форме *шиллик*, зафиксированной в Словаре В. И. Даля, отражена геминация, возникшая из ассимиляции со-

четания -йл- в палатализованный л^бл^б, что в сходных случаях отмечается не только в чувашском языке (где, однако, геминация не сохранилась), но и в татарских говорах (например, у нижегородских мишарей)⁷¹.

Надо сказать, в ряде тюркских языков наряду с корневым словом *сый* употребляются его ампликативные формы с суффиксом -лык, имеющие близкое или почти тождественное значение с исходным словом типа кирг. *сый* 'подарок, награда, премия; уважение, почтение, почёт, почести', *сыйлык* 'дар, награда; премия' (аналогично казах., каракалп., ногай.).

Несколько загадочными представляются омонимы и паронимы, зафиксированные только в словарях В. Г. Егорова: «**шырляк** I место, специально приготовленное посреди двора для угощения свадебных гостей.

шырляк II огрех

шырлях I несчастье, зло, ущерб.»⁷²

Эта загадочная форма *шырляк* может быть объяснена как результат диссимиляции сочетания л^бл^б в промежуточной форме **шыл^бл^бяк*, которая отражена в русской форме *шиллик* в Словаре В. И. Даля. Но, к сожалению, аналогии такой диссимиляции нам пока неизвестны.

Обмен чувашского и татарского языков словами *сый* и *сай*, *сий*, *си* (татар. > чуваш.), а также *шыльяк* (чуваш. > татар.) затруднил их этимологическое объяснение. Эти слова из тюркских языков попали к марийцам и к русским (*шиллик*).

дулолом

Исследователи русской лексики неоднократно обращались к истории слова *самодур* в русских текстах XIX в.⁷³

Однако внешне близкое и похожее по словообразовательной структуре, а также по семантическому содержанию, но менее популярное экспрессивно окрашенное, тоже сложное слово *дулолом* вниманием исследователей было обделено. Не повезло этому слову и в русской академической и иной лексикографии, где оно было зафиксировано лишь в самом конце XX века.

Слова *дулолом* нет среди 145 тыс. слов двухтомного гнездо-словообразовательного словаря русского языка А. Н. Тихонова, который опирался на компиляцию академической лексикографии, хотя среди источников этого словаря значится и словарь В. И. Даля, где это слово есть.

«Сводный словарь современной русской лексики» (т. I-II. М.,

1991), суммировавший около 170 тыс. слов из академических словарей, не зафиксировал существительного *дуролом*, как и более новый, но построенный на тех же принципах компиляции академических словарей однотомный «Большой толковый словарь русского языка» (СПб., 1998. 1536 с.) с его около 130 тыс. слов.

Особого рассмотрения требует орфографическая форма *дурылом* с гласным *ы* во втором слоге, встречающаяся в литературных произведениях первой трети XIX века в качестве говорящей фамилии-прозвища.

Поэт рубежа XVIII–XIX вв. И. М. Долгоруков (Долгорукий) (1764–1823), прослуживший в 1802–1812 гг. владимирским губернатором, на основании своих владимирских впечатлений написал стихотворную комедию “Дурылом, или Выбор в старшины” (1816), где прототипом был некий Дуров⁷⁴.

Заглавный герой — зажиточный дворянин *надменный Дурылом* (с. 273) поступает *безрассудно* (с. 264), он *упрям и своеволен* (с. 270), чем оправдывает свою говорящую фамилию-прозвище⁷⁵.

Дурылом встречается в “критическом романе” автора для малообразованных и простонародных читателей Александра Анфимовича Орлова (1790–1840) “Дунячка, московская междуумочка, или узенький корсетец” (М., 1831) как фамилия купца *Сысой Сысойч Дурылом*:

Дурыломъ! ты Дурыломъ,
зачемъ пришелъ ты въ этотъ домъ?

Далее употребление слова известно с 60-х годов XIX века как слова первоначально чуждого литературному употреблению, и поэтому в первых фиксациях оно выделяется курсивом как слово, характерное для низовых слоёв купечества, откуда, по мнению исследователей, пришло и слово *самодур*:

«Словомъ всякій мужикъ лишь только отшатнется отъ крестьянства, лишь только увидить, что нѣтъ *мірскаго суда*, что дѣло, которому онъ служить, не *мірское дѣло*, а дѣло *общества*, уже готовъ обмануть. Здѣсь-то возникаютъ и образуются: иныя личности нашего *купечества*, наши “*ваши степенства*”, наши *дуроломы*, наши аршинники, наши и пр. и пр.»⁷⁶

Далее слово *дуролом* вводится как характерное для речи персонажей или в стилизованную речь рассказчика как экспрессивное наименование лиц, которые действуют недостаточно обдуманно и зачастую опрометчиво:

« — Вотъ-де все говорили, что мужикъ глупъ, мужикъ дуракъ,

одно слово — дуруломъ, а все это одна несправедливость отъ васъ, господа, была, заявилъ одинъ изъ “средняковъ”, обращая послѣднія слова ко мнѣ.»⁷⁷

«Экой дурулом, господи помилуй, туда поехал, и зачем, тут на цельныхъ три версты ближе.»⁷⁸

«А красиль ящики не какой-нибудь дуруломъ, какой не знаетъ и грунтовок, — красиль ящики рядовой Муравей, своего дѣла мастеръ извѣстный.»⁷⁹

В романе «Цусима» (1932–1935) А. С. Новиков-Прибой вкладывает бранное употребление этого слова в речь матросов, говорящих о сумасбродном адмирале З. П. Рожественском: «— Куда поплѣт тупоголовый дьявол? На погибель ведет нас, дурулом. Что дельного ждать от такого человека?»⁸⁰

Аналогично оно вставляется в речь персонажа в романе «Лето господне» (1927–1944) И. С. Шмелева как добродушная укоризна взрослого по отношению к ребѣнку: «— Да постой, голова ежова... — не пускает Горкин, — побьешь, дурулом, яблочки...»⁸¹

Ср. далее: «Да не дергайся ты, дурулом этакий, лежи спокойно.»⁸²

В мемуарной литературе есть интересные сведения о том, что это ярко эмоционально окрашенное укоризненное слово было в числе любимых у своеобразного мыслителя и публициста рубежа XIX–XX вв. Василия Васильевича Розанова (1856–1919):

«У Василия Васильевича было любимое гневное слово — *дурулом*. Напр[имер], критики-семинаристы были для него — *дуруломы*. Некто, рассуждающий “о политической экономии как о поэзии и о поэзии как о политической экономии” (выражение Пушкина), — это был для него *дурулом*.

Произносил он это слово гневно, выпукло, сочно и так убедительно, точно прикреплял к тому, о ком оно было, завершительный и липко-невозвратный “аминь”. Это было *его* слово. Оно все было окрашено *им*, и его как-то, в свою очередь, окрашивало. Я часто вспоминаю это слово. Оно многое объясняет. Думаешь думаешь, иногда, так и этак судишь, теорию строишь, объясняешь себе, ищешь, создаешь объяснения... а все просто: просто *дурулом* действует. *Дурулом* говорит. *Дурулом* сочиняет.»⁸³

«Служил архиепископ Никон (тот, что писался с *i*: издавал “Троицкие листки”, написал Житие преп. Сергия и воевал на Афоне с имяславцами). Он был невысокого роста, рыжий, невзрачный, подслеповатый с незвучным, щелястым голосом. Старик.

— Я его не любил, — говорил Вас. Вас. — Синод. Прямолиней-

ный правовер. Дуролом.

И вдруг оказалось — в этот именнинный <для В. В. Розанова — И.Д.> день — этот “дуролом” служил с такою строгою сосредоточенностью, с такою чистою и прямою погруженностью в таинство своей веры, что Вас. Вас. в толпе народа не сводил с него глаз и не заметил, как простоял долгую архиерейскую службу с длинным новогодним молебном...

– Я шел и думал: вот он сделал свое дело. Он старик, и он всю жизнь твердо стоял на том, что считал истиной. Твёрдо. прямо, упорно. Ему не в чем упрекнуть себя перед своей родиной и верой. <..>

Мы все были потрясены рассказом. Ведь это был его “враг” — они говорили один о другом: “дуролом” — “ересиарх.”⁸⁴

С. Н. Дурылин приводит и ещё один контекст употребления слова *дуролом* в воспоминаниях 3 июля 1930 года о реакции В. В. Розанова на контраст между звёздной крещенской ночью и всенощной службой в душной приходской церкви в 1918 году:

«– Какая ночь! Звезды! Какие звезды! Халдеи, египтяне, арабы молились бы им, подняв к небу лицо, а *они* (с ненавистью он писал тогда свои злые последние книжечки-выпуски, прерывался голос от вражды)... а они преют в тесноте, в духоте, под сводами, потеют, свечи коптят, жарится, дышать нечем, капает ярким воском сверху, режут, как коровы, дымят угарными кадилами, глушат звоном... (задохся, протирает глаза неслушающимися, корявыми от мороза руками)... дуроломы!»⁸⁵

Попало слово *дуролом* только во второе издание «Толкового словаря живого великорусского языка» (Т. I. СПб. — М., 1880) В. И. Даля на основании 15-го прибавления к первому изданию (1861–1867): «*Дуроломъ*, кто ломится куда напрямикъ, силою, сдуру, безъ оглядки», — причём территориальная привязка отсутствовала. Не появилось её и в словаре: «*Дуроломъ*, кто ломится, лезеть куда напрямикъ, силою, сдуру, безоглядки. *пройти, взять дуроломомъ. На службѣ дуролому нѣтъ мѣста*» (Даль² I, 302).

Академическая лексикография в лице большого академического «Словаря современного русского литературного языка», как обычно, зафиксировала интересующее нас слово с большим опозданием — только в последнее десятилетие XX века с весьма неточным значением и столь же неточным указанием, что оно попало в словарь только в 1903 году — в третье издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ:

«**дуролом**, а, м. Прост. Бранно. Глупый, тупой человек. — Дураки-то у нас и прежде бывали. Поставит, бывало, барин дуrolома в бурмистры, ну, он и воюет. Златовр. Дерев. будни. — Экой дуrolом, господи помилуй, туда поехал, и зачем, тут на цельных три версты ближе. — Чех. На подводе. — Ну, иди, черт этакий; ишь, развалился тут, дуrolом! — грубо схватила она Леонтия за рукав. Милицына. На Голубинке.⁸⁶ — Даль (3 изд.): дуrolо м.» (ССРЛЯ² IV, 1993, 521).

Роковую роль в появлении ошибочной дефиниции сыграла контекстуальная близость слов *дураки* и *дуrolом* в «Деревенских буднях» Н. Н. Златовратского:

«Дураку-то, пожалуй, дай въ руки палку — онъ всѣмъ головы посшибаеъ! Дураки-то у насъ и прежде бывали. Поставить, бывало, баринъ дуrolома въ бурмистры, ну, онъ и воюеъ въ мервую голову! Такъ и Парёшка. Нацапаль земли, нахапаль, и давай всѣхъ опаивать! И вертить! Развѣ это такъ? Дуrolомъ онъ былъ — дуrolомъ и есть! Эдакъ-то всякій, пожалуй... Не велика заслуга... А ты честно, благородно хозяйствуй, въ правилахъ... Вотъ заслуга!»⁸⁷

На дефиницию слова *дуrolом* в большом академическом «Словаре современного русского литературного языка» повлияло соседство этого слова со словом *дураки* в одном контексте, а также лукавое сокращение трудного для словарников фразеологизма *в мертвую голову* без обозначения лакуны, за появлением которой скрывается боязнь нового материала с неясной семантикой. За неизвестным нашей лексикографии выражением *в мертвую голову* можно предполагать значение 'безумно', что накладывается на семантику слова *дуrolом*.

Неточное толкование было из академического словаря с точностью воспроизведено в загадочном толково-словообразовательном (?) словаре Т. Ф. Ефремовой:

«**дуrolо́м** м. разг.-сниж. 1. Глупый, тупой человек»⁸⁸.

Как видим, применительно к просторечному укоризненному слову, только названному по-новому *разговорно-сниженным*, словарь довольствуется чужим (старым!) толкованием, а от объяснения словообразовательной стороны слова уклоняется совершенно, вероятно, по неимению прецедентов.

В. И. Даль не привязывал существительное *дуrolом* к какой-либо территории распространения русского языка, считая его общенародным. Но этого слова нет и в сводно-академическом «Словаре русских народных говоров», хотя в нем помещены два

производных, свидетельствующих о том, что в говорах существует и производящее *дуролом*:

«**дуроло́мина**, ы, м. и ж. Глупый, грубый человек; дурак. *Хоть и студент, а какая-то дуроломина*. Покр. Влад., 1910.»

«**дуроло́мом**, нареч. Напролом, силой, без оглядки, сдуру. *Пойти, взять дуроломом*. Даль [без указания места]» (СРНГ 8, 272).

В «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (М., <1969>, 157) есть только прилагательное *дуроло́мный* 'взбалмошный, неуравновешенный'.

Но в некоторых диалектных словарях название *дуролом* имеется с едва ли правильным толкованием:

«**дуроло́м**. О взрослом глупом человеке. *Куда мог подеваться такой дуролом*» (Яросл. словарь 4, 27⁸⁹).

В «Большом толковом словаре донского казачества» (М., 2003, 144) *неодобр*<ительное, по определению лексикографов, слово> *дуролом* 'плохой, скверный человек; озорник' отмечено рядом с производными *дуроломить*, *дуроломничать* 'дурачиться, баловаться; безобразничать'. «Донск. словарь» (т. 1. 1975, 143) сохранил только глаголы.

Под влиянием созвучия со словом *бурелом* (паронимическая аттракция, народная этимология) у названия *дуролом* в некоторых говорах возникло новое значение: «**дуроло́м**. Бурелом <..> *Дуролону много возле реки <..>*» (Сл. Сред. Урала. Доп. 145).

Другой результат контаминации паронимов *бурелом* и *дуролом* был зафиксирован в курских говорах: «**буроло́мь**, а, с. м. Буянь. *Да угомонишься ли ты, буроломь этакой*. Кур. Рыл. Судж.» (Опыт 17).

Однако В. И. Даль проявил недоверие к этому слову как частный случай критики «Опыта областного великорусского словаря» и не поместил сомнительное для него слово в свой словарь; проигнорировал это слово и дополнявший словарь В. И. Даля для его 3-го и 4-го изданий И. А. Бодуэн де Куртенэ, зато включивший в него [в скобках] своеобразное тверское слово *быролом* из «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858 г.), также проигнорированное В. И. Далем: «**буреломь**, —никъ, **буреваль** м. жестокий вѣтеръ, буря. || **буреломь** [быроломь *твр.* Опд.] Лѣсъ, поломанный и сваленный бурей, вѣтроломь и вѣтроваль; *ломь* означ. изломанныя деревья; *валь* — вывороченныя.» (Даль³ 1, 345).

Составители сводно-академического диалектного словаря, на-

оборот, проигнорировали материал: «**быроломъ**, а, с. м. Буреломъ, лѣсъ, выломанный бурею. Твер. Ржев.» из «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858, 16), а зато к толкованию курского слова *буролом* зачем-то добавили едва ли уместное 'дебошир' и из одного слова путем изменения орфографии сделали два, глухо сославшись почему-то прямо на источник «Дополнения» — рукописные материалы А. Дмитриюкова «Областные или местные слова, употребляемые Курской губернии в городах Рыльске и Судже» (1849 г.), хранящиеся под № 96 в фонде 216 [опись 4 (материалы для словаря)] архива РАН в Петербурге: (СРНГ 1, 114):

«**бурелом**, а, м. 1. Самый большой медведь. Бельск. Смол., 1914. 2. Дебошир, буян. *Да угомонишься ли ты, бурелом эдакой!* Рыльск., Судж. Курск., 1849. ~ **Одолеть буреломом**. Одолеть только с помощью физической силы. Охан. Перм., 1930.»

«**буролом**, а, м. 1. Бурелом. Олон., 1885–1889. Мещов. Калуж. 2. Дебошир, буян. *Да угомонишься ли ты, буролом этакой!* Рыльск., Судж. Курск., 1849. *Этот буролом все поколотил, всех обругал.* Курск., Орл., Калуж. || **Настойчивый, упрямый человек.** Медын. Калуж., 1849. || “Дюжий, грубый человек”. Орл., Карякин, 1850.» (СРНГ 3, 285, 297).

Отношение между первичной личной семантикой слова *дуrolom* и его же вторичной топографической семантикой из-за необычности возникновения последней оказалось для диалектных лексикографов неясным, поэтому в «Словаре вологодских говоров» топографическое значение оказалось на первом месте, а обозначение лица рассматривалось в этом словаре как переносное, с чем едва ли можно согласиться:

«**дуrolom**, а, м. 1. *Непроходимое место в лесу, бурелом.* Дуrolомом-то не ходи: там слѣва-то тропинка есь, там и лесу немного, так и иди <..> 2. Перен. *То же, что дулбан* <= глупый человек, дурак>. А у Пашки вид подходящий, и рост есть. Главное — не дуrolом, горячки зря не порет <..>» (Вологодский словарь 2, 65)⁹⁰.

Надо обратить внимание на то, что как в процитированном большом академическом «Словаре современного русского литературного языка», так и в диалектных словарях в дефинициях отражена вовсе не реальная семантика слова *дуrolом*, а лишь этимолого-словообразовательная рефлексия лексикографов по поводу морфологического состава слова с опорой на его первый компонент.

К пониманию истинного значения нового для академической лексикографии укоризненного слова *дуолом* последняя стала постепенно приближаться только в начале XXI века, когда ошибочная схема «Словаря вологодских говоров» была принята при доработке и подготовке третьего издания «Большого академического словаря русского языка» (Т. 5. М. — СПб., 2006, 438), где на первом месте оказывается *областное топографическое значение*, а на втором *просторечное неодобрительное обозначение неосмотрительного человека*, в дефиницию которого сделана попытка внести некоторые робкие уточнения, не меняющие сути ошибочного определения:

«**дуроло́м**, а, м. 1. Обл. Поваленные ветром, а не срубленные деревья. *Сплошное болото было вокруг ... кое-где торчали трухлявые, сырые насквозь пни, лежали изъеденные лишайником, поваленные ветром стволы — дуолом.* Рекемчук, Все впереди⁹¹. 2. Прост. Неодобр. Глупый, ограниченный человек, действующий напролом, не считаясь с обстоятельствами. — *Дураки-то у нас и прежде бывали. Поставит, бывало, барин дуолома в бурмистры, ну, он и воюет.* Златовр. Дерев. будни. — *Экой, дуолом, господи помилуй, туда поехал, и зачем, тут на цельных три версты ближе.* — Чех. На подводе. < Бранно. — *Добаловались, байбаки, дуоломы чертовы! Сострадательно кричала она.* Зверев. Очкарик. — *Ну, иди, черт этакий; ишь, развалился тут, дуолом!* — *грубо схватила она Леонтия за рукав.* Милицына. На Голубинке. — Даль (3 изд.): дуоло́м».

Остается неясным, на каких основаниях иллюстративные цитаты при просторечном слове *дуолом*, имевшие общую помету *Бранно* во втором издании большого академического «Словаря современного русского литературного языка» (1993), через десять лет в том же «Большом академическом словаре русского языка» (2003) были разделены на *неодобр[ительные]* и *бранн[ые]*.

Не соответствует реальности указание двух неоконченных изданий большого академического «Словаря современного русского литературного языка» в справочной их части о том, что слово *дуолом* якобы впервые зафиксировано в 3-ем издании словаря В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ в начале XX века (1903), хотя оно попало уже во второе издание Далева словаря (1880) почти на четверть века раньше. Приходится только сожалеть, что академические лексикографы не воспользовались точной и взвешенной дефиницией важного для нас слова в словаре В. И. Даля и не внесли её, как это сделано в словаре В. В. Хи-

мика, в большой академический словарь современного русского литературного языка, остановившись только, как было указано, на полпути к правильной дефиниции:

«**дуролѳм**, -а, м. Презр. Разг.-сниж. О том, кто совершает опрометчивые поступки, делает грубые ошибки, решая сложные проблемы. *Выслушав ученого и слегка подумав, американцы изо всех сил ударили себя кулаками в лбы и вскричали: “Экая проруха вышла! Извиняйте, будьте добреньки, мы этой тонкости не учли...”* *Может, они и в самом деле не из подлости так придумали, а в спешке и сгоряча недоработали, дуроломы они известные.* В. Краковский. Один над нами рок <// Октябрь, 1989, № 8>»⁹².

Можно думать, что не последнюю роль в достижении этой правильной дефиниции сыграла удачная цитата из современного текста.

Стоит подчеркнуть тонкую, но существенную разницу между сближенными в начале статьи оценочно-эмоциональными словами *самодур* и *дуролом*, объединенными общим компонентом *-дур-* в постпозитивном и препозитивном употреблении: *самодур* действует, не считаясь с окружающими его людьми, а *дуролом* — с обстановкой и не думая о последствиях своих действий.

В практическом справочнике «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой (14-е изд. М., 2006. 115) в гнезде синонимов «Дурак» наряду с *дуролом*, *дурошлѳп*, а также *дуболом*, *дуботол(к)*, *дуботряс*, находится и *туполом*, что в свете всего вышесказанного представляется не вполне обоснованным и требует дополнительного рассмотрения, как и словообразовательные ряды, соотносительные как с первым. так и со вторым компонентом слова *дуролом*.

подпоручик (поручик) Кижѳ

Историко-этимологические исследования должны строиться на достаточно надёжной источниковедческой базе, чтобы выводы при анализе материала не носили случайного характера. Привлекаемый для анализа материал изменяется во времени и пространстве, поэтому важно учесть эти хронологические и территориальные варьирования и установить первичный облик и содержание исследуемых фактов и показать историю этого материала.

В несколько расплывчатой формулировке Н. Ю. Шведова — многолетний редактор однотомного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова — указывала на необходимость включения в словарь фразеологического сращения (идиомы) *поручик Кижѳ*, не

приводя конкретных примеров употребления:

«Из чисто содержательных ситуаций, из “контекстов обстановки”, которые проецируются на слово и концентрируются в компонентах его значения, складывается описание таких слов, как *золушка* ‘о том, кто несправедливо гоним, кого не любят, обижают’ или уже имеющее право на место в словарях сочетание *поручик Кижже* ‘выдуманная личность, выдаваемая и принимаемая за реально существующую’»⁹³.

Но в редактируемый Н. Ю. Шведовой «Словарь русского языка» С. И. Ожегова «имеющее право на место в словарях» сочетание *поручик Кижже* так и не попало, хотя вместо него с некоторым опозданием была помещена этимологическая справка (зона — по позднейшей терминологии) о похожем сочетании:

«**подпоручик Кижже** (книжн.) — о несуществующей личности, <ото>рая считается реальной [по имени героя одноименной повести Ю. Тынянова].»⁹⁴.

Такая неполная (!) этимологическая справка стала возможна лишь после того, как Н. Ю. Шведова безосновательно и незаметно отказалась от тезиса о чуждости этимологии и собственных имён для кратких нормативных словарей, о чем она неоднократно категорически говорила в письмах читателям:

«В ряде случаев Вы предлагаете дать сведения о происхождении слова (*коснеть, окаянный, поздравить, суд да дело*), включить имена собственные (*Легас*) или внести в толкование слова те или иные сведения энциклопедического характера (*светляк*); однотомник не может ставить перед собой такие задачи» (12.01.1981 г.); «Краткий толковый словарь современного русского языка не занимается этимологией и не может исходить из этимологии слов в отражении их современного употребления» (02.12.1984)⁹⁵.

Когда в 2007 году вышло последнее издание словаря С. И. Ожегова с нарушением этих правильных установок и названием «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов», но уже без имени С. И. Ожегова на титуле и в выходных данных, то «этимологическая зона» при сочетании *подпоручик Кижже* не понадобилась: она уже была в этом словаре с 1989 года и сохранена в 2007 году, несмотря на её явную недостаточность.

Ещё более лаконично неполная этимология выражения *подпоручик Кижже* подана в первом издании «Словаря современных цитат» (М., 1997, 365) К. В. Душенко среди цитат, восходящих к Юрию Николаевичу Тынянову (1894–1943): «**Подпоручик Кижже**

(книжн.) — загл<авие> рассказа (1929)».

Во втором издании этой же книги (2002, 423) сделано важное разъяснение: «В “Рассказах В. И. Даля о временах Павла I” (“Русская старина” 1870, т. 2) фигурирует “подпоручик Киж”».

Действительно в пересказе В. И. Даля (1801–1872) воспоминаний своего отца Ивана Матвеевича Даля (1761–1821) о службе при дворе Цесаревича и об этом времени есть следующий анекдот:

«Въ одномъ изъ ежедневныхъ приказовъ по военному производству, писарь — вспомните тогдашнее время, конецъ прошлаго вѣка — писарь расчеркнулся, такъ, что когда писалъ: “прапорщики жь такіе-то въ подпоручики”, то перенесъ на другую строку небывалое слово “Кижъ”, начавъ его еще съ прописной, размашистой буквы. Пробѣгая наскоро приказъ этотъ, императоръ принявъ слово это, съ прописною буквою, за коимъ следовали прозванія, также за прозваніе одного изъ производимыхъ, и написалъ тутъ же: “подпоручикъ Кижъ въ поручики”. На другой день, подпоручикъ Кижъ произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны, а на третій, подписывая приказъ, государь написалъ противъ него: “въ капитаны”. И это сдѣлано. Никто не успѣлъ оглянуться, ни опомниться, какъ Кижъ произведенъ былъ въ полковники, съ отмѣткой: “вызвать сейчасъ ко мнѣ”. Тогда только бросились по приказамъ, гдѣ этотъ Кижъ? онъ оказался въ какомъ-то Азовскомъ или Апшеронскомъ полку, гдѣ-то на Дону, и фельдъегерь очертя голову поскакалъ за нимъ. Можно вообразить изумленіе полкового командира, до которого еще не успѣлъ дойти обычнымъ порядкомъ первый приказъ, о производствѣ прапорщика Кижя, какъ привезенъ былъ уже съ фельдъегеремъ последний, о производствѣ его въ полковники, и когда, сверхъ сего, полковой командиръ не могъ понять, о чемъ и о комъ идетъ речь, потому что въ полку его никогда никакого Кижя не было. “Есть же на свѣтѣ Чижъ, подумалъ полковникъ, почему бы не быть и Кижю, но только не въ этомъ полку”, Фельдъегерь подавно ничего не могъ тутъ объяснить и поскакалъ, едва перекусивъ, обратно.

Донесеніе полковника, что въ полку его Кижя нѣтъ и не бывало, всполошило все высшее военное начальство и канцеляріи ихъ. Бросились слѣдить по приказамъ, и наконецъ, бѣдственный первый приказъ, о производствѣ Кижя въ подпоручики, разъяснилъ дѣло. Между темъ, государь уже спрашивалъ, не прибылъ ли полковникъ Кижъ — вѣроятно желая съ нетерпѣніемъ поздравить его генераломъ. Решились доложить государю, что Кижъ умеръ.

— “Жаль, сказалъ императоръ — былъ хорошій офицеръ” ....»⁹⁶.

Ю. Н. Тынянов на основании этого материала написал рассказ «Подпоручик Киж», изменив фамилию Киж на Киж и усилив фантазмагоричность анекдота, пересказанного В. И. Далем со слов отца.

В более цельном виде с упоминанием не только Ю. Н. Тынянова, но и В. И. Даля с отцом этимологические сведения о сочетании *подпоручик Киж* даются во многих словарях⁹⁷.

Уже в первом словаре крылатых слов, где даны сведения о сочетании *подпоручик Киж*, появляются сведения о варьировании этого выражения и наличии у него более короткого варианта *поручик Киж*, что можно видеть во второй иллюстративной цитате из двух:

«Как-то ... Степанову довелось услышать о себе жестокие, насмешливые слова: — Степанов? Это же ошибка профессора Орочева. Нечто вроде тыняновского подпоручика Киж (Г. Гор, Ошибка профессора Орочева, 23).»

«А Овсяннико-Куликовский — это просто миф, легенда, так сказать музыкальный поручик Киж (Я. Полищук, Гений или злодей? — «Лит. газ.», 6 января 1959 г.).⁹⁸»

Это варьирование, которое привело к агрессии “короткой формы” *поручик Киж*, обратило на себя внимание лингвистов⁹⁹.

Широкое распространение короткого варианта *поручик Киж* привело к тому, что он стал восприниматься как основной вопреки изложенным в этом разыскании фактам.

Е. С. Отин даже назвал выражение *поручик Киж* «литературным антропонимом (вид поэтонима) с “прямым” значением» и выразил сомнение в реальности выражения *подпоручик Киж* в рассказе В. Т. Шаламова:

«**поручик Кижé** <..> Мнимый персонаж одноименного рассказа Ю. Тынянова, имя которого <персонажа!> возникло в результате описки: *поручики же* > *поручик Киж* (“слово-призрак”). Анекдот, превратившийся в мистический символ. ... Живая реальность, ибо с подпоручиком (*sic!*) Киж общались люди как с живым человеком — все, что так хорошо рассказал нам Юрий Тынянов, долгое время не принималось мной как запись были (Шаламов В. Берды Онже).»

Далее из этого “литературного поэтонима”, по мнению Е. С. Отина, получился “узуальный интралингвальный коннотативный литературный антропоним с широким кругом применения (УКЛА₂)”:

«Что-то нереальное, но влияющее на ход событий. *Стоит, может быть, в связи с этим напомнить, что нынешний долг Советского Союза Чехословакии составляет более 4 миллиардов переводных рублей, этих “поручиков Кижэ” финансовой системы СЭВ (“Известия”, 1990 г., 4 сент.)*»¹⁰⁰

Из контаминации фраз, характеризующих у Ю. Н. Тынянова призрачного *прапорщика-подпоручика-поручика-полковника* (и даже *генерала Кижэ*): «*Описка стала подпоручиком без лица, но с фамилией*» (с. 9); «*Арестант секретный и фигуры не имеет*» (с. 12)¹⁰¹ — родилось крылатое выражение: *фигура, лица не имеющая*, которым характеризуется выражение *подпоручик Кижэ*, конкретное значение которого («Наименование лица или явл<ение>, внесённое в список, приказ или другой официальный документ, в средства массовой информации, но не существующего в действительности, а также обобщённая формула бессмысленного формализма и курьёзных, противоречащих реальному ходу вещей сообщений») даже противопоставляется значению выражения *фигура, лица не имеющая*, ‘о бесцветном, неприметном человеке или лит<ературном> персонаже, не имеющем выразительных, отличительных черт’¹⁰².

Трудности лексикографического описания возникшего недавно из одного источника выражений станут наглядными, если сопоставить трактовку этих выражений в разных словарях даже при участии одного и того же соавтора:

В популярном историко-этимологическом справочнике по русской фразеологии читаем:

«**подпоручик (поручик) кижэ**. *Книжн. ирон.* 1. О человеке, в действительности не существующем, но принимаемом за реальное лицо вследствие какого-л. недоразумения или обмана. 2. Символ холодного, казённого отношения к окружающей жизни.»¹⁰³

Подпоручики Кижэ попали к филологам и историкам как шутовское обозначение неясных или ошибочных личных имён в старинных рукописях, но это лексикографами пока не учтено¹⁰⁴.

Случай появления призрачного антропонима *Берды Онже* обрисован в рассказе В. Т. Шаламова «Онже Берды» (1959)¹⁰⁵ на основе лагерных порядков, описанных Жаком Росси в «Справочнике по ГУЛАГу»:

«**он же** — 1. В пенитенциарной документации приводятся все фамилии, под которыми данное лицо было ранее осуждено. Перед каждой последующей пишут “он же”. Чем больше “он же”, тем больше слава в уголовной среде. — 2. Лагерное предание:

надзиратель вычитывает по списку — “Петров, Иван Петрович, о. ж. Сидоренко Петр Сидорович, о. ж. Ахметов, Файзулла Ибрагимович..” “Он же у меня пайку украл”, — слышится из-под нарчей-то плаксивый голос (украсть пайку у поднарника не к лицу настоящему вору <..>)»¹⁰⁶

Примечания

¹ Твардовский А. Т. С Карельского перешейка // Новый мир, 1969, № 1, 140

² Боровой Л. Я. Путь слова: Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. М., 1960, 182.

³ Боровой Л. Я. Путь слова: Очерки и разыскания. М., 1974, 212.

⁴ Білодід І. К. Питання розвитку мови української радянської художньої прози. Київ, 1955, 126, прим. 1. Со ссылкой на роман Ивана Ле и Александра Левады «Південний захід» (Жовтень, 1949, № 11, 88), где фигурирует *генеральний сабантуй*.

⁵ «См.: *Tatarca ursca syzlek. Qazan*, 1931, стр. 256» (Прим. А. Н. Кожина.)

⁶ «Ср. в Толковом словаре В. И. Даля: «Казсабан <sic!>, или сабанбайрам, — татарский праздник; первая половина сабана шиллик, молятся и обедаются; затем вторая: запахивают и засевают полосу и, наконец, третья, туй (пир): скачки, борьба и пр., местами пируют трое суток, и прямо берутся за пашню» (т. 4, стр. 126)» (Прим. А. Н. Кожина.)

⁷ Кожин А. Н. Заметки об иноязычных элементах в русском языке периода Великой Отечественной войны // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. Т. 100: Труды кафедры русского языка. Вып. 6. М., 1961, 198. Ср. также: Кожин А. Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны. М., 1985, 288–290.

⁸ Кожин А. Н. Заметки..., 199. Любопытно, что в первых работах лингвистов о русском языке в годы Великой Отечественной войны слово *сабантуй* отмечено не было. См.: Черных П. Я. Русский язык в дни войны (заметки собирателя) // Сибирские огни, 1946, № 4, 98–106. Ср. также: Филин Ф. П. О языке Великой Отечественной войны // Диалектологический сборник под ред. А. С. Ягодинского. Вып. 3. Вологда, 1946, 3–9. Как объект фонологических исследований *сабантуй* фигурирует в статье: Аванесов Р. И. О соотносительном ряде носовых согласных фонем по признаку «дентальность — лабиальность» // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966, 111.

⁹ Твардовский А. Т. Как был написан «Василий Тёркин» (Ответ читателям) // Твардовский А. Т. Василий Тёркин. М., 1953, 204–205. Впервые напечатано: Новый мир, 1951, № 11, 204–223, особенно 216.

¹⁰ [Чулков М. Д.] Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч., сочиненная М. Ч. М., 1786, 283–285. Ср. также его: Словарь русских суеверий. СПб., 1782, 263 (вм. 236)–238.

¹¹ *Крут* (или *курт*) — высушенный твердый сыр, приготовленный из острого кислого молока кипячением и выщеживанием (И. Д.).

¹² «Коровье кислое молоко, разведенное водою, которое башкирцы употребляют вместо квасу» (пояснение в переиздании очерка)

¹³ «Чебызга — музыкальное орудие Башкирцевъ, сдѣланное изъ ствола некоторо-раго растенія» (прим. П. М. Кудряшева).

¹⁴ *Кудряшев П. М.* Предрассудки и суеверия башкирцев // Отечественные записки. 1828. Ч. 28. № 79, 210–212; *Кудряшев П. М.* Предрассудки и суеверия башкирцев // Башкирия в русской литературе. Т. I. Уфа, 1961, 128–129.

¹⁵ *Кудряшев П. М.* Предрассудки и суеверия башкирцев // Отечественные записки. 1828. Ч. 28. № 79, 212.

¹⁶ *Уразманова Р. К.* Народный праздник сабантуй у татар // Советская этнография. 1977. № 1, 94. Татарск. туй получило из более древнего той, сохранившегося в других тюркских языках.

¹⁷ Татар теленең анлатмалы сүзлеге. Т. II. Казан, 1979, 610.

¹⁸ *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1994, 279.

¹⁹ Ср. название книги на русском языке чувашского писателя А. Талвира «Сабантуй в Буинске» (Казань, 1968), где противопоставляется название чувашского праздника *агатуй* (вместо точного *агадуй*!) и татарского *сабантуй* (с. 241).

²⁰ *Чурсин Г. Ф.* Праздник “выхода плуга” у горских народов Дагестана. Тифлис, 1927 (= Известия Кавказского историко-археологического института. Т. IV, 43–60).

²¹ *Абдулжалимов Ф., Борисков П.* Горская песня // Свет дружбы. Сборник произведений писателей Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1963, 301 (в авторской ремарке). Употребительно оно и в речи персонажей: «Иду на сабантой <...>» (с. 305).

²² *Фукс К. Ф.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844, 102. Так же называется этот земледельческий праздник и у В. И. Даля.

²³ Слово *сабан* ‘гулянка, попойка’ в «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова (М., 1980, 363), согласно убедительным соображениям А. Е. Аникина (см.: *Аникин ЭСлРусДСиб*, 21), попало к Л. Е. Элиасову из словаря В. И. Даля и было несколько модернизировано под современную просторечную семантику слова *сабантуй*.

²⁴ *Боровой Л. Я.* Путь слова: Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. М., 1960, 182.

²⁵ Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова. 3-е перераб. и доп. изд. М., 1949, 573.

²⁶ Орфографический словарь русского языка. М., 1956, 935.

²⁷ *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. II. М., 1985, 62. Место слово *сабантуй* должно получить у А. Н. Тихонова в списке «Одиночные слова».

²⁸ [*Твардовский А.*] Что такое сабантуй. (Из бесед казака Гвоздѣва с бойцами, прибывшими на фронт) // [Газета:] Красная армия, 18 октября 1941 г., [без подписи], где были стихи:

Тем, кто прибыл с немцем драться,

Надо, как там ни толкуй,

Между прочим разобраться,

Что такое “сабантуй”.

²⁹ *Твардовский А. Т.* Как был написан «Василий Тёркин» (*Ответ читателям*) // Новый мир. 1951. № 11, 216.

³⁰ *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Жизнь русского слова. М., 2006, 352.

³¹ *Кожин А. Н.* Лексико-стилистические процессы в русском языке периода великой Отечественной войны. М., 1985, 290–291.

³² *Коровушкин В. П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург, 2000, 249.

³³ Это не очень точное *недавно* было истолковано А. Н. Кожиним как “до войны” (с. 290), что истине не соответствует.

³⁴ *Боровой Л. Я.* Путь слова: Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. М., 1960, 181–182 (Далее — *Боровой.* Путь слова).

³⁵ *Аюпова Л. Л.* Лексика народов Башкортостана в русской речи. — Уфа, 1994, 95–96.

³⁶ Е. Н. Шипова отмечает только этнографическое значение: *Шипова Е. Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976, 268.

³⁷ *Боровой Л. Я.* Путь слова: Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. М., 1960, 182.

³⁸ *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992, 715.

³⁹ Словарь иностранных слов. 7-е изд. М., 1979, 450.

⁴⁰ *Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В.* Новый словарь иностранных слов. М., 2003, 565.

⁴¹ Словарь русского языка. Т. IV. М., 1982, 11.

⁴² Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998, 1139.

⁴³ *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. М., 2000, 534.

⁴⁴ *Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. СПб., 2008, 349.

⁴⁵ См. об этом: *Добродомов И. Г.* Проблемы этимологии в нормативной лексикографии. Магадан, 2009, 32 с., особенно 4.

⁴⁶ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2007, 848–849. Традиционным весенним праздником у татар является и *науруз* — день весеннего равноденствия 21 марта.

⁴⁷ Советский энциклопедический словарь. М., 1983, 1151.

⁴⁸ *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной лексики. СПб., 2004.

⁴⁹ Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М., 1971, 3. Не содержит и академическая его переделка: Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов). СПб., 1995.

⁵⁰ Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 5. Кн. 1. Мінск, 1983, 8.

⁵¹ *Самсонов Н. Г.* Слова из языков народов Якутии в русских текстах. Якутск, 1984, 97.

⁵² *Аникин ЭСлРусДСиб*, 470, со ссылкой на: Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том. Новосибирск, 1995, 157.

⁵³ *Бурганова Н. Б.* О системе народного праздника *джеиен* у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982, 20–67. Р. Г. Ахметьянов (в своей книге «Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья». М., 1989, 147) безосновательно относит это слово к военной лексике.

⁵⁴ *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981, 100; Ахметьянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001, 252.

⁵⁵ [*Вишневский В. П.*] Начертание правил чувашского языка, и Словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань, 1836, 207; *Золотниц-*

кий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875, 100, 279.

⁵⁶ Räsänen M. 1) Die tschuwassischen Lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki, 1920, 226; 2) Die tatarische Lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki, 1923, 89.

⁵⁷ Ягелло И. Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910, 950.

⁵⁸ Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1960. 80, 86, 102, 108, 117, 180, 187, 190, 215, 538.

⁵⁹ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981, 100 (Далее — Ахметьянов. Общая лексика).

⁶⁰ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. II. Чебоксары, 1996, 466; со ссылкой: СТ, 1958, № 6, с. 18–20, но журнал «Советская тюркология» в это время еще не выходил.

⁶¹ Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969, 145–150.

⁶² Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М., 1986, 169–170.

⁶³ Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981, 100. Заслуживает внимания заключение без какой-либо логики: «Вероятнее всего, у древних болгар был обычай после победы над врагом или периодически, в определенное время года устраивать пир на открытом месте (на виду у всего народа), и этот пир назывался *ширләк / шырлык*. Эти обряды переносились и на свадьбу.» Ненадежность материала сочетается в этой работе с его необоснованными сближениями

⁶⁴ Со ссылкой на книгу: Кеңесбаев І. Қазақ тілінің фразеологик сөздігі. Алматы, 1977, 569.

⁶⁵ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Т. II. Алматы, 1961, 500.

⁶⁶ Узбекско-русский словарь. М., 1959, 548.

⁶⁷ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965, 907, 908.

⁶⁸ Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. II. Чебоксары, 1996, 466.

⁶⁹ Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, 116 (Далее — Рясянен. Материалы).

⁷⁰ Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1971, 167.

⁷¹ Рясянен. Материалы, 178, 197.

⁷² Егоров В. Г. Чăвашла-вырăсла словарь. Иккĕмĕш издани. Шупашкар, 1954, 286.

⁷³ Тотубалин Н. И. К истории слова *самодур* и *самодурство* // Ученые записки Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. № 200. Серия филологических наук. Вып. 25. Русская литература. 1955, 234–237; Земская Е. А. Из истории русской литературной лексики XIX в. (к изучению научного наследия Я. К. Грота) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 4. М., 1957, 52–54; Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка [в] 30–90 годы XIX века. М.-Л., 1968, 491–492; Виноградов В. В. История слов. М., 1994, 615–618.

⁷⁴ Степанов В. П. Долгоруков Иван Михайлович // Русские писатели XVIII века. — Вып. 1. Л., 1988, 282. Хотя сочинения князя И. М. Долгорукова и значатся в числе источников академического «Словаря русского языка XVIII века», название комедия в нём отсутствует, как и прозвище заглавного героя.

⁷⁵ Цитируется по изданию: *Долгоруков И. М.* Дурылом, или Выбор в старшины. Комедия в 3 д. // Сочинения И. М. Долгорукого. Ч. II. СПб., 1849, 235–330.

⁷⁶ *Прыжов И. Г.* Купец-лавочник // Развлечение. 1865. № 43, 278. Ср. также: *Прыжов И. Г.* Двадцать шесть московских дур и дураков. М., 2008, 326. Курсив источника.

⁷⁷ *Златовратский Н. Н.* Деревенские будни // Отечественные записки. Т. ССХ-VII. 1879. № 12, 544. = Собрание сочинений Н. Н. Златовратского. Т. 8: Очерки крестьянской общины... СПб., <1914>, 320.

⁷⁸ *Чехов А. П.* На подводе // Русские ведомости. 1897. № 352. 21 декабря, 4. Цитируется по: *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Сочинения в 18 в. Т. 9. М., 1977, 341.

⁷⁹ *Замятин Евг.* На куличках. Повесть // Заветы. 1914. № 3, 85.

⁸⁰ *Новиков-Прибой А. С.* Цусима. М., 1952, 335.

⁸¹ *Шмелев И. С.* Лето господне. Богомолье. Статьи о Москве. М., 1990, 103.

⁸² *Пастернак Б. Л.* Доктор Живаго. Куйбышев, 1989, 313.

⁸³ *Дурылин С. Н.* В своем углу. Из старых тетрадей. М., 1991, 213. Ср. С. 297: «Пушкин писал в 1833 году: “Петербургские журналы судят о литературе как о музыке, о музыке как о политической экономии, т. е. наобум”». На самом же деле в рукописных заметках о Е. А. Баратынском 1830 года Пушкин писал: “Класс читателей ограничен и им управляют журналы, которые судят о лит.<ературе>, как о полит.<ической> экон.<омии>, о полит.<ической> экон.<омии>, как о музыке, т. е. наобум, по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений” (*Пушкин*. Полное собрание сочинений. Т. 11. М.—Л., 1949, 185).

⁸⁴ *Дурылин С. Н.* В своем углу, 298–299.

⁸⁵ *Дурылин С. Н.* В своем углу, 313.

⁸⁶ *Милицына Е.* Рассказы. М., 1905, 148.

⁸⁷ *Златовратский Н. Н.* Деревенские будни // Отечественные записки. Т. ССХ-VII. 1879. № 12, 545.

⁸⁸ *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1: А-О. М., 2000, 433.

⁸⁹ Со ссылкой на: *Яковлев К. Ф.* Осиновские чудачки. Ярославль, 1973.

⁹⁰ Ср.: «*дулбáн*, а, м. *Глупый человек, дурак.* Я раньше в церковно-приходской школе учился, дак как кто урок не выучил, дак ставят на колёны и называют дулбáном <..>» (с. 65).

⁹¹ *Рекемчук А. Е.* Всё впереди. Повесть. М., 1959, 36–37.

⁹² *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной лексики. СПб., 2004, 162. Здесь же приведены производные с почему-то не вполне совпадающими стилистическими пометами: «*дуролóбный*, -ая, -ое. *Презр. Разг.-сниж.* Такой, который имеет качества *дуролома*»; «*дуролóбность*, -и, *ж. Неодобр. Разг.-сниж.* Проявление качеств, признаков, характеризующих *дуролома*».

⁹³ *Шведова Н. Ю.* Типы контекстов, конституирующих многоаспектное описание слова // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI. М., 1982, 153. Сочетание *поручик Киже* к этому времени уже давно было включено в иллюстративном материале как вариант сочетания *подпоручик Киже*, например, в словарь Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (2-е изд. М., 1960, 478).

⁹⁴ *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 21-е издание. М., 1989, 539; *Ожегов* — *Шведова*, 557.

⁹⁵ Слово и культура речи: К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., 2001, с. 296–297, 299. Анализ этих суждений см.: *Добродомов И. Г.* Проблемы этимологии в нормативной лексикографии. Магадан, 2009, 4.

⁹⁶ Рассказы В. И. Даля о временах Павла I // *Русская старина*. Т. II. 1870, 295–296.

⁹⁷ Например: *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Т. 2.: Н–Я. Магнитогорск, Greifswald, 2009, 502.

⁹⁸ *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. М., 1960, 478.

⁹⁹ *Гладышева Л. А.* Сатирические формулы Ю. Тынянова // *Русская речь*. 1984. № 6, 10–14; *Йот Н.* Две забавные мелочи: 1. Как повысили в чине тыняновского героя // *Жизнь языка*. М., 2001, 241–243.

¹⁰⁰ *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004, 284.

¹⁰¹ *Душенко К. В.* Словарь современных цитат. М., 2002, 423.

¹⁰² *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Т. 2.: Н–Я. Магнитогорск, Greifswald, 2009, 502.

¹⁰³ *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998, 455, 594.

¹⁰⁴ *Валеев Г. К.* Древнерусские подпоручики Кижэ // *Русская речь*. 1981. № 2, 98–104.

¹⁰⁵ *Шаламов В. Т.* Собрание сочинений. Т. I. М., 1998, 586–590 (Впервые: *Родина*, 1989, № 2).

¹⁰⁶ *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. Ч. 1. М., 1991, 245.